

РОССИЙСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

Ю.В. ЛАТОВ

**Призрак “революционной ситуации”:
протестные действия и протестные настроения
современных россиян***

На основе материалов общероссийских опросов, проводившихся Институтом социологии РАН в режиме мониторинга, рассматривается вероятность формирования в современной России “революционной ситуации” — роста массовых протестных выступлений “низов”. Анализ результатов опроса, проведенного в начале весны 2016 г., и сопоставление его с предыдущими “волнами” опросов доказывают, что в ближайшее время (год-два) “революционная ситуация” останется для России только опасным призраком — массовые протестные выступления будут лишь потенциальной угрозой, а не живой реальностью. Это обосновывается тем, что в 2015 г. наблюдался умеренный уровень личного участия в различных протестных акциях. Кроме того, современные протестные действия носят в основном экономический характер: протестуют главным образом против увольнений, роста цен и т.д., а не против правительства. Наблюдается парадокс: против существующих социально-экономических “правил игры” протестуют многие, но их протест не консолидирован; у протеста против существующих политических институтов есть “водители” (либеральная оппозиция), но этот протест гораздо менее массовый. В то же время следует обратить внимание на опасный феномен относительно высокой волатильности характеристик протестной деятельности — российские граждане способны в ответ на “раздражающие” события скачком изменять свои социально-политические предпочтения.

Ключевые слова: социальный протест, протестные выступления, социальная девиантность, опросы общественного мнения, “революционная ситуация”.

При анализе развития российского общества закономерен вопрос о готовности россиян своими политическими действиями влиять на судьбу страны и одновременно отстаивать свои права и интересы. Первостепенное внимание в этой связи следует обратить на *протестную активность (протестную деятельность)*, под которой понимаются активные выступления граждан, направленные против действий/бездействия центральных или местных властей, содержащие критику и требования в адрес официальных лиц и институтов.

* Статья подготовлена в рамках работы над проектом “Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорегиональном контекстах”, выполняемым в Институте социологии РАН за счет средств гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00218, руководитель проекта М. Горшков).

Л а т о в Юрий Валерьевич — доктор социологических наук, кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института социологии (ИС) РАН, профессор Финансового университета при Правительстве РФ. Адрес: 129345 Москва, ул. Магаданская, д. 5, кв. 29. E-mail: latov@mail.ru

За последние 30 лет отношение к массовым протестным выступлениям изменилось почти на 180 градусов. В СССР было принято благожелательно цитировать афоризм К. Маркса “Революции — локомотивы истории”¹, приветствовать “пламенных революционеров” всех времен и народов (включая деятелей буржуазных революций) и помнить о революционном происхождении самого советского государства. В современной России, наоборот, стало хорошим тоном обвинять *всех* революционеров в предательстве национальных интересов и в аморальности, выражение “цветная революция” оказалось символом “вражеских происков”, а о прямой связи рождения современного российского государства с массовыми протестными выступлениями (во время событий ГКЧП в 1991 г.) предпочитают не вспоминать. В негативном отношении к революциям сходятся не только консерваторы-государственники, но и значительная часть либералов-оппозиционеров². “Революционный дух” теплится только у немногочисленных внесистемных левых радикалов и у отдельных либералов. Все остальные чувствуют себя отнюдь не пассажирами, а скорее, потенциальными жертвами наезда “локомотива истории”.

Доминирование в современном российском дискурсе подобной “контрреволюционной ментальности” можно объяснить следующим образом. С одной стороны, любой стабильный политический режим старается нейтрализовать тех, кто требуют радикальных перемен, тем более если оппозиционеры хоть в какой-то форме опираются на поддержку внешнеполитических оппонентов правящего режима. Поэтому известные слова В. Путина на заседании Совета Безопасности РФ 20 ноября 2014 г. (“Мы видим, к каким трагическим последствиям привела волна так называемых цветных революций, и мы сделаем все для того, чтобы это никогда не случилось в России”) вполне созвучны произнесенному более 100 лет назад афоризму премьер-министра царской России П. Столыпина (“Им нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия”).

Заказ именно на такой подход к трактовке современных массовых протестных действий породил в последнее десятилетие вал литературы — во многих аспектах скорее публицистически-пропагандистской, чем собственно научной³. Вопрос о сходстве “цветных революций” с событиями 1991 г., породившими современную Россию, при этом принципиально табуируется, иначе придется признавать либо принципиальную возможность и полезность спонтанного массового протеста, либо “незаконнорожденность” современной российской государственности.

С другой стороны, сказывается специфически российский эффект “обманутых надежд” после событий первой половины 1990-х гг., от которых подавляющее число россиян в лучшем случае ничего не получили. Большинство граждан стали после этого воспринимать “революционеров” или как “безответственных болтунов”, или как людей со своими тайно-корыстными интересами. Российские граждане согласились, что “не дай Бог жить в эпоху перемен”, и в целом выразили готовность поддерживать/

¹ Данное крылатое выражение взято из опубликованной в 1850 г. статьи Маркса “Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.” [Маркс, Энгельс 1956, с. 86].

² Либеральный политолог А. Оболенский описывает это как «глубоко укорененное в отечественной традиции негативно-репрессивное отношение власти к любой социальной активности, если она не санкционирована “сверху”, причем особенно, хотя не исключительно, к активности политической, по отношению к которой запретительно-карательные меры всегда особенно целенаправленны и жестоки» [Оболенский 2013, с. 109].

³ В качестве примеров можно назвать: [Кара-Мурза 2006; Сулакшин 2009; Гапич, Лушников 2010; Пономарева, Рудов 2012; Манойло 2015]. Противоположных примеров — подчеркивания объективной полезности массового ненасильственного протеста — в современной литературе мало, один из немногих примеров [Иноземцев 2016]. Симптоматично, что в сетевых отзывах на эту статью прозвучало выражение «реабилитация понятия “революция”»; если обсуждается реабилитация революции, это означает, что состоялось ее осуждение.

терпеть существующую “административную вертикаль”, чтобы только “не раскачивать лодку”.

Это разочарование в результатах массового протеста было заметно уже в 1993 г., когда противоборство президента и Верховного совета протекало на фоне пассивности граждан, которые сочувствовали скорее популисту Р. Хасбулатову, чем либералу Б. Ельцину, но не желали активно протестовать ради обмена “шила на мыло”. Когда современный политический режим обвиняет своих политических оппонентов в материальной ангажированности (вспомним хотя бы показанную в 2012 г. по телевидению “Анатомию протеста”), то эти обвинения — независимо от их обоснованности — легко находят отклик в массовом сознании, склонном призывать “чуму на оба ваших дома”⁴.

Перечисленные причины сформировали своего рода общественный “спрос на застой”. После богатого на революции XX в. современные россияне в целом стали относиться к радикальным политическим переменам как к катаклизмам — “Брось, буревестник, над нами кружить тенью страданий и бед, Нас в революцию не заманить, хватит нести этот бред”, — поется в известном хите О. Газманова. Парадокс в том, что значительная (возможно, подавляющая) часть акторов этого спроса понимают, что нынешнее “мгновение” отнюдь не прекрасно и остановить его не удастся. Однако у общества нет ни сил активно “желать перемен”, ни понимания, каких именно перемен надо желать (кроме, разве, самых общих идей снижения гигантской дифференциации доходов и борьбы с коррупцией), ни авторитетных организованных сообществ, готовых политически возглавить революционный протест.

Ситуация в России 2000–2010-х гг. отчасти напоминает режимы Реставрации (в Великобритании после О. Кромвеля, во Франции после Наполеона), когда подавляющее большинство нации, “верхи” и “низы”, соглашались “забыть” про кровавые революции и “просто жить”, повышать свое и национальное благосостояние. Такой неформальный общественный договор, направленный на изживание национальных травм, может оказаться долгосрочным, если консервативно-центристская политическая элита предлагает эффективный обмен части политических свобод на экономический рост (как в Китае после смерти Мао).

Таким образом, отношение к массовым революционно-протестным действиям в современной России остается не только среди “простых людей”, но и среди обществоведов очень двусмысленным. Сталкиваются критическое отношение к существующему политическому режиму и обоснованный страх перед “русским бунтом, бессмысленным и беспощадным”. Для либеральной оппозиции, которая претендует на лидерство среди оппозиционных сил, решением этой дилеммы стала в начале 2010-х гг. надежда на массовые *ненасильственные* протестные действия, по образцу “цветных революций” за рубежом. Но события на Украине в 2014 г. крайне скомпрометировали этот образец: “цветные революции” стали восприниматься в первую очередь как результат внешних корыстных манипуляций, а отнюдь не как выражение искреннего “народного гнева”; к тому же ненасильственность протестующих оказалась, мягко говоря, не совсем последовательной. В результате в целом протестная активность населения рассматривается в настоящее время скорее как угроза национальной

⁴ Даже в период наивысшего роста авторитета радикальной либеральной оппозиции, которая критиковала политический режим за авторитаризм и коррупцию, вовлеченность населения в конфликт между властью и радикальной оппозицией была не слишком велика. Это обнаружилось, например, когда в 2013 г. ИС РАН проводил очередной общероссийский опрос населения и в анкету специально был вставлен вопрос: “В последнее время оппозиционные политические силы все чаще резко критикуют власть, призывают людей выходить на улицу, участвовать в массовых акциях протеста. Кого вы скорее готовы поддержать в этом случае — власть или оппозицию?”. Результаты опроса показали незначительное превышение сторонников оппозиции над сторонниками власти, однако обе эти группы оказались в меньшинстве: только 17% выбрали ответ “скорее готовы поддержать власть”, лишь 21% — “скорее готовы поддержать оппозицию”. Подавляющее большинство — почти две трети населения (61,9%) — утверждали, что “никого из них не готовы поддерживать”. Узость социальной базы “антивластных” протестных выступлений еще сильнее проявилась в последующие годы.

безопасности, чем как “локомотив” развития. Тем не менее протестная активность российских граждан отнюдь не исчезла и ее можно рассматривать в двух основных аспектах:

- 1) протестные проявления — *реально состоявшееся* (в недавнем прошлом) личное участие граждан в различных акциях протеста;
- 2) протестный потенциал — *потенциальная готовность* граждан к участию (в будущем) в различных протестных акциях⁵.

Для характеристики этих социальных явлений используем данные общероссийских опросов по репрезентативной выборке, которые ИС РАН проводил в последние годы.

Реально состоявшиеся протестные проявления

Ответы респондентов во время опросов ИС РАН об их личном участии в конкретных видах гражданской деятельности по защите своих интересов показывают, что фактическое количество участников акций протеста на протяжении последних 15-ти лет в России колебалось на уровне 2–4% (в масштабах всей страны это примерно 3–5 млн. человек). Общая картина динамических изменений протестных проявлений в России XXI в. представляется следующей.

До кризиса 2008–2009 гг., когда подходили к концу “тучные” годы экономического подъема, этот уровень был порядка 2–3%, то есть не менее чем каждый 50-й взрослый россиянин хотя бы раз в год участвовал в каких-либо акциях протеста. В начале 2010-х гг., когда “тучные” годы сменились “тощими” годами замедленного роста, протестная активность выросла, что нашло выражение в движении 2011–2013 гг. против фальсификации выборов. Судя по данным опроса за 2013 г., в “горячие” годы через участие в протестных акциях прошли примерно 4% граждан, то есть каждый 25-й⁶. Затем произошел спад участия в протестных акциях: россияне, несмотря на начавшийся в 2014 г. экономический кризис, в целом определенно поддерживали действия правительства в связи с событиями на Украине и снизили протестную активность. Однако постепенно эффект патриотического подъема стал затухать, люди начали “возмущаться” тяготами кризиса, да и старые проблемы (коррупция, неэффективность госуправления, дифференциация доходов) никуда не исчезли.

Если сопоставить (см. табл. 1) ответы респондентов общероссийских опросов на одинаковые анкетные вопросы в 2013 г. и в 2016 г., то следует сделать вывод, что уровень участия в акциях протеста в эти годы был примерно одинаков.

Таблица 1

Личное отношение к принимающим участие в акциях протеста, митингах, демонстрациях и т.п. (в %)

Отношусь:	2013 г.	2016 г.
С одобрением, сам принимаю в них участие	4	4
С одобрением, хотя сам не принимаю в них участие	35	30
С неодобрением	14	16
Безразлично, никак не отношусь	47	51

⁵ Используемое понятие “протестный потенциал” совпадает с уже используемым в научной литературе выражением “потенциал протеста” — установками (ориентациями) социальных субъектов на открытое (публичное) выражение своего недовольства через массовые действия протестного характера [Кинсбургский, Топалов 2016, с. 21].

⁶ Их могло быть и существенно больше, поскольку при опросах 2013 г. и 2016 г. среди респондентов, относящихся к акциям протеста с неодобрением или безразлично, наверняка были и те, кто ранее принимали в таких акциях участие, но потом в них разочаровались либо предпочли из осторожности дать “социально одобряемый ответ”.

В то же время отношение к акциям протеста у современных россиян стало несколько менее благожелательным, чем три года назад: чуть больше безразличных и относящихся неодобрительно к участникам таких акций, чуть меньше участвовавших и относящихся одобрительно к их участникам. Следует также вспомнить, что в 2013 г. протестная активность уже шла на спад: “марши миллионов” остались в прошлом, последние массовые выступления проходили весной-летом 2013 г. в поддержку арестованных по “болотному делу” и лидеров оппозиции — происходило привычное для отечественных диссидентов перерождение защиты прав граждан в защиту прав защитников граждан.

Кто же те россияне, которые вошли в 4% респондентов, признавшихся в начале 2016 г. в своем личном участии в ранее прошедших акциях протеста? Распространено представление о типичном современном “бунтаре” как о “юноше бледном со взором горящим”, живущем в крупном городе и страдающем от противоречия между высокими амбициями креативного класса и низким реальным социальным статусом прекариата. Возможно, ядро современных нонконформистов действительно образуют именно такие яркие личности. Однако данные опроса показывают, что в целом социальная структура “бунтарей” не очень отличается от социальной структуры россиян в целом. Среди участников протестных проявлений, конечно, больше мужчин (56%, в то время как в выборке в целом 47%), однако доля молодежи 18–30 лет низкая (20%, а не 26%, как в выборке); зато наблюдается повышенная доля живущих в райцентрах (37%, а не 31%) и тех, кто оценили свою материальную обеспеченность как хорошую (25%, а не 18%).

Это можно объяснить тем, что в последние годы протестные акции имеют главным образом экономическую подоплеку, а поскольку от ухудшения материального положения во время кризиса страдают *все* социальные группы, то и социальный портрет “бунтаря” оказался очень похож на портрет среднего россиянина (с поправкой на общую повышенную социальную активность мужчин и небедных людей). Выявленные в ходе опроса участники акций протеста — это в массе своей вовсе не записные “бунтари”, регулярно в компании единомышленников протестующие против “коррупцированной власти”, а скорее люди, ситуативно озабоченные решением конкретных социально-экономических проблем, не связанных с “высокой” политикой и с деятельностью внесистемной оппозиции.

Приведенные данные характеризуют тех, кто уже реально вставали (пусть эпизодически) в ряды “борцов за народное дело”. Однако, как показывает исторический опыт, для развертывания массового движения ключевой вопрос — вовлечение “периферии”, обычных людей, тех, кто пока “безмолвствуют”, но “держат камень за пазухой”; и при обострении “нужды и бедствий” готовы вытащить этот “камень”, превратив его в “булыжник — оружие пролетариата”.

Протестный потенциал

Вполне ожидаемо, что во время всех общероссийских опросов, в которых фигурировал вопрос о том, к каким способам защиты респондент готов в будущем при необходимости прибегнуть, чаще всего выбирали “спокойные” ответы типа “буду искать дополнительные источники заработка” (35–45%) и “что-то предприму, но что, еще не решил” (30–40%). Однако иногда указывали и на возможные действия, связанные с более (вооруженное сопротивление) или менее (митинги, демонстрации и др.) радикальной протестной активностью.

Во время опроса 2016 г. респондентам предлагали в ответе на вопрос *“В случае ущемления ваших прав, к какому способу защиты Вы лично готовы прибегнуть?”* выбрать несколько позиций (все, что подходит респонденту) из списка разных политических действий: от участия в выборах и обращения в СМИ и в суд до обращения в криминальные структуры и вооруженного сопротивления. Как и следовало ожидать, в ответах преобладали “спокойные” ответы с разной степенью оптимизма: “решение

**Динамика ответов респондентов на вопросы о возможном участии
в различных видах протестной деятельности по защите своих прав (в %)**

Варианты ответов	2003 г.	2008 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Приму участие в митингах, демонстрациях и т.д.	5	5	6	10	6	11
Приму участие в мирных акциях гражданского неповиновения (неуплата налогов, жилищно-коммунальных платежей и т.п.)	—	—	—	—	—	9
Вооруженное сопротивление	6	3	3	3	4	2

проблем через судебные органы” (29%), “ни к какому, поскольку эффективных способов воздействия на власть сегодня нет” (27%), “ни к какому, так как сами привыкли решать свои проблемы” (26%), “петиции, обращение в органы власти” (19%) и “обращение в СМИ” (17%). Радикальные варианты — демонстрации, гражданское неповиновение, вооруженное сопротивление — встречались нечасто, лишь у 15% респондентов.

Если рассмотреть в динамике ответы респондентов в 2003–2016 гг. на вопросы об их возможном участии в различных видах радикальной протестной деятельности (см. табл. 2), то легко заметить две закономерности.

Во-первых, число тех, кто выражают готовность к наиболее радикальным видам протестной деятельности, связанной с насилием (вооруженным сопротивлением), обычно ниже числа тех, кто готовы участвовать в более мирных видах протеста (митинги, демонстрации, неуплата налогов и др.). Исключение — данные за 2003 г. (готовых к вооруженному сопротивлению оказалось несколько больше, чем готовых к мирным протестным действиям), но это можно объяснить наследием “бандитских” 1990-х гг., когда людей активно приучали к “праву силы”, а также атмосферой накала борьбы с терроризмом (на 2002–2004 гг. приходился пик терактов, совершенных северокавказскими “борцами за свободу”). Во-вторых, на протяжении 2008–2014 гг. доля готовых к вооруженному сопротивлению была удивительно устойчива — на уровне примерно 3%. Видимо, это примерно соответствует доле людей с определенными психологическими девиациями.

Однако в 2015–2016 гг. показатели потенциальной готовности россиян к радикальным формам протеста стали меняться довольно странным образом. Прежде всего во время опроса в марте 2015 г. на вопрос, как люди могут реагировать на значительное ухудшение своих условий жизни, выразили готовность братья за оружие 4,3% респондентов. Это — самый высокий показатель готовности к вооруженному сопротивлению за последние 10 лет. Всего несколькими месяцами раньше, во время опроса в октябре–ноябре 2014 г., такой ответ давали только 3,3%. Такой скачок странный еще и потому, что доля готовых к мирным формам протеста в сравнении с 2014 г. в 2015 г. резко упала — с 10,0% до 6,2%.

Разгадка, думаю, проста: в конце февраля 2015 г., за несколько недель до социологического опроса, в Москве был убит Б. Немцов — один из лидеров внесистемной оппозиции. Это резонансное событие стало триггером скачка социально-политической напряженности, многие “горячие головы” выразили готовность ответить “ударом на удар”. Когда же затем накал политических страстей угас, то к марту 2016 г. доля готовых братья за оружие упала до 2,0%: это — самый низкий показатель в опросах ИС РАН за весь XXI в. Поэтому вероятность массового вооруженного сопротивления граждан властям сейчас, в отсутствие резонансных событий, крайне низка.

В то же время к началу 2016 г. после спада в 2015 г. резко — до 10,9% (более чем в 1,5 раза) выросла доля готовых к мирным протестным акциям. (Это можно интерпретировать и как возвращение данного показателя к уровню 2014 г.) Более чем каждый

десятый россиянин в марте 2016 г. заявил, что при ущемлении его прав (таковым при желании можно посчитать и увольнение с работы, и рост оплаты за ЖКХ) он готов идти на митинги и демонстрации, отказываться платить налоги и т.д. Это — гораздо серьезнее, чем 1/50 готовых (на словах) братья за оружие. Опыт “цветных революций” показал, что если на антиправительственные демонстрации выходят десятки и сотни тысяч недовольных, то достаточно и нескольких сотен боевиков, чтобы за спиной мирных демонстрантов устроить переворот. Поэтому современную ситуацию следует считать все же относительно опасной: вероятность массового вооруженного сопротивления низка, зато вероятность мирных массовых протестных акций существенно возросла.

Для сравнения есть смысл вспомнить, что при проведении всероссийского опроса ВЦИОМ в январе—феврале 2015 г. были получены гораздо более высокие (в 4 раза) показатели протестного потенциала россиян, чем по опросу ИС РАН⁷. По данным ВЦИОМ, прибегать к акциям протеста для преодоления трудностей считали необходимым 24%, 16% респондентов полагали, что протестные акции будут полезны в отдельных случаях, а 8% опрошенных заявляли, что острые вопросы в их родном городе/селе не решить без митингов и демонстраций. Во время этого же опроса 23% выразили мнение, что акции протеста — это нормальное средство решения назревших проблем, проявление демократии в стране, а 16% отметили, что если в их родном городе/селе состоятся массовые выступления протеста, то они скорее всего примут в них участие⁸. Расхождение между более тревожными данными ВЦИОМ (24% одобряющих акции протеста и 16% готовых принять в них личное участие в январе—феврале 2015 г.) и гораздо более “спокойными” данными ИС РАН (6% готовых принять участие в марте 2015 г.) могут отчасти объясняться тем, что они проводились с интервалом примерно в полтора месяца, в течение которых социально-экономическая ситуация в стране временно существенно улучшилась⁹. При этом следует отметить, что в опросах ВЦИОМ 2000—2010-х гг. постоянно фиксируется готовность участвовать в массовых акциях протеста в диапазоне 15—25% [Кинсбургский, Топалов 2016], что связано, скорее всего, с “провокационной” постановкой анкетного вопроса¹⁰.

Достоин внимания, что среди тех, кто смело заявляли во время опроса ИС РАН о готовности прибегать к радикально-протестным формам защиты своих ущемленных прав, оказалось довольно мало тех (один из десяти) кто участвовали в акциях протеста. Среди тех же, у кого такой опыт был, более половины не выражали готовности в будущем снова это делать, что отражает обычную картину циркуляции членов протестного сообщества: одни люди теряют желание протестовать (по причине достижения локальных целей протеста, или в силу изменения жизненных целей, или из-за разочарования в результативности протеста), а другие, ранее в акциях не участвовавшие, начинают желать принять в них участие. При этом “ядро” протестного сообщества — те, кто протестовали в прошлом и готовы протестовать в будущем, — оказывается очень маленьким (1,6%).

⁷ См. Пресс-выпуск № 2776. Проблемы страны и как их решать (<http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115151>).

⁸ Мониторинг общественного мнения. 2015. № 1 (125). Январь—февраль. С. 60—62 (http://wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2015/125/2015_125_61_Politics.pdf).

⁹ В феврале—апреле 2015 г. наблюдался рост мировых цен на нефть, породивший иллюзию прекращения кризисных явлений в российской экономике, однако затем падение нефтяных цен возобновилось и продолжалось до января 2016 г., обесценивая рубль.

¹⁰ В анкете опроса ВЦИОМ в 2015 г. вопрос звучал так: “Если в нашем городе / сельском районе состоятся массовые акции протеста, выступления против падения уровня жизни, несправедливых действий властей, в защиту своих прав, вы лично примете в них участие или нет?” [Кинсбургский, Топалов 2016, с. 28]. Когда обычного человека спрашивают о его готовности выступить против несправедливости и в защиту своих прав, то он может воспринять это как “тест на трусость” и выразить (на словах) гораздо более высокую готовность к протесту, чем та, которой он реально обладает. Чтобы избежать этого, в анкетах опросов ИС РАН спрашивают просто о готовности принять участия в протестных выступлениях, не “подсказывая” респонденту, против чего они направлены.

Взглянем теперь на социальный портрет тех немногих россиян, кто вошли в 2% признавшихся в начале 2016 г. в готовности к вооруженному сопротивлению. Выборка в 4000 респондентов позволяет это сделать. *A priori* кажется, что речь пойдет о типе людей, о которых двести лет назад А. Пушкин сказал так: “Те, которые замышляют у нас невозможные перевороты, или молодцы и не знают нашего народа, или уж люди жестокосердые, коим чужая головушка полушка, да и своя шейка копейка” [Пушкин 1960, с. 410]. С молодостью радикалов налицо попадание в точку: среди этих 2% на самом деле резко доминируют люди в возрасте 18–30 лет (44%, в то время как в выборке их 26%) и 31–40 лет (38% вместо 21%). “Жестокосердость” выявить трудно, но вот “своя шейка — копейка” может быть интерпретирована как низкий уровень жизни: действительно, среди сторонников “вооруженного отпора” наблюдается повышенная доля плохо материально обеспеченных (33% при 22% в выборке). Другие особенности — высокая маскулинность (74% мужчин при 47% в выборке) и большее количество проживающих в райцентрах (42% при 31% в выборке) — совпадают с ранее обрисованными характеристиками участников протестных выступлений.

Таким образом, типичный россиянин, склонный (хотя бы на словах) братья за оружие для защиты своих прав, оказывается “юношей бл(ед)ным”, живущим в райцентре (именно в таких российских поселениях экономика развивается наиболее тяжело)¹¹. Как известно, революции происходят главным образом в столичных мегаполисах, такие люди вряд ли станут акторами революционной ситуации. Но вот новым изданием “приморских партизан” они стать вполне могут¹².

Революционная ситуация — призрак “в отдалении”

ПЕРЕФРАЗИРУЯ К. Маркса и В. Маяковского, можно сказать, что по постсоветской России уже четверть века бродит призрак революционной ситуации, который то уходил, то “вновь маячил в отдалении”. Сразу же после начала радикальных экономических реформ 1992 г. появилось много предсказателей, что существующий режим “висит в воздухе” и вот-вот рухнет под ударом новой революции. События 1993 г., закончившиеся расстрелом Белого дома, действительно едва не стали полноценной революционной ситуацией: хотя россияне наблюдали за противостоянием президента и парламента скорее как зрители, чем как участники, однако налицо были и “кризис верхов”, и “обострение выше обычного нужды и бедствий”. В дальнейшем насильственные гражданские конфликты сначала сместились на Северный Кавказ, а в первой половине 2000-х гг. вообще начали постепенно затухать. Середина 2000-х гг. оказалась самым “золотым” временем: граждане вполне одобрили усиление “административной вертикали” в обмен на быстрый экономический рост, а то, что этот рост основан на “нефтяной игле” со всеми вытекающими негативными последствиями, можно было пока не замечать.

Однако ухудшение социально-экономического развития в конце 2000-х гг. реанимировало забытый, казалось, призрак революционной ситуации. События 2011–2013 гг. стали попыткой либеральной оппозиции объединить всех недовольных

¹¹ Следует подчеркнуть, что выявлять и изучать среду собственно политических радикалов, организованных и реально готовых к насилию, по данным всероссийских опросов принципиально нельзя. Ведь совокупная численность всех таких радикалов (радикальных националистов, антифа, радикальных исламистов и т.д.) по всей России исчисляется, согласно оценкам экспертов, несколькими десятками (максимум — одной-двумя сотнями) тысяч человек, что в масштабах страны составляет малые доли процента, поэтому в респонденты опросов они вряд ли вообще попадают, а если даже попадают, то вряд ли откровенничают перед незнакомыми интервьюерами. Те респонденты, которые декларируют во время опросов свою готовность к вооруженному сопротивлению, относятся, скорее всего, к “сочувствующим” — к дальней периферии радикальной внесистемной оппозиции.

¹² “Приморскими партизанами” называли в СМИ преступную группу близких к скинхедам-националистам молодых людей, живших в одном из бедных поселков Приморского края, которые в 2010 г. совершали нападения на милиционеров, согласно заявлениям преступников, в знак протеста против “ментовского беспредела”.

**Готовность принять участие
в массовых протестных выступлениях, если они в ближайшее время
пройдут там, где живут респонденты (в %)**

Причины (лозунги) возможных массовых протестных выступлений	Готовы		Не готовы	
	Безусловно, да	Скорее всего, да	Скорее всего, нет	Безусловно, нет
В защиту экономических и социальных прав граждан	7	22	34	37
В знак протеста нарушений закона местными властями и правоохранительными органами	8	19	32	41
В защиту местных жителей, против наплыва мигрантов	7	14	35	43
В защиту демократических прав и свобод (свобода слова, собраний, шествий и т.п.)	4	13	41	42
В поддержку оппозиционных партий и движений	2	5	40	53

действиями государственной власти. Но власть смогла своих оппонентов переиграть и маргинализировать внесистемную оппозицию, объявив ее “иностранным агентом”. Несмотря на явную победу властей, “марши миллионов” 2011–2012 гг. остались незримым фактором последующей политической жизни. Политическая элита знает, что народ не всегда “безмолвствует” и что при появлении “раздражающих” факторов массовые протестные выступления снова могут стать злобой дня. Внесистемная оппозиция тоже помнит, что удачно найденный лозунг/повод протеста может объединить против правительства десятки/сотни тысяч россиян с самыми разными политическими взглядами.

Хотя в 2013–2016 гг. внесистемная оппозиция резко потеряла авторитет и ушла в “глухую оборону”, можно не сомневаться, что в ближайшие годы она “воспрянет ото сна”. Ведь перспективы возобновления “бодрого” (как в 2000-е гг.) экономического роста очень сомнительны. Столетняя годовщина Февральской и Октябрьской революций — более чем подходящий повод для протестных “воспоминаний о будущем”.

В принципе уже сейчас можно предсказать, какие именно лозунги протеста будут в наибольшей степени привлекать россиян в ближайшее время. Если проранжировать причины возможных массовых протестных выступлений по нисходящей, от самых актуальных до наименее актуальных (см. табл. 3), то на первое место, как и следовало ожидать, выходит лозунг защиты социально-экономических прав граждан: за него готовы “биться” 29% россиян, то есть почти треть. В этой связи можно вспомнить, что Февральская революция 1917 г. тоже началась с чисто экономических протестов петроградских рабочих против увольнений и повышения цен на хлеб, и только затем, после неуклюжих действий властей, начались антиправительственные митинги и разоружение городовых.

Если сравнить современную ситуацию со временем массовых протестных выступлений четыре года назад (см. рис. 1, 2), то хорошо видно, что такая иерархия — доминирование готовности защищать социально-экономические права над готовностью защищать политические права — очень устойчива. У молодых людей, правда, этот разрыв слабее, чем у взрослых, однако и молодежь озабочена в первую очередь именно “экономическими и социальными правами”. Кроме того, готовность отстаивать свои права у россиян сейчас, несмотря на экономический кризис, заметно (примерно на треть) ниже, чем во времена “болотного дела”.

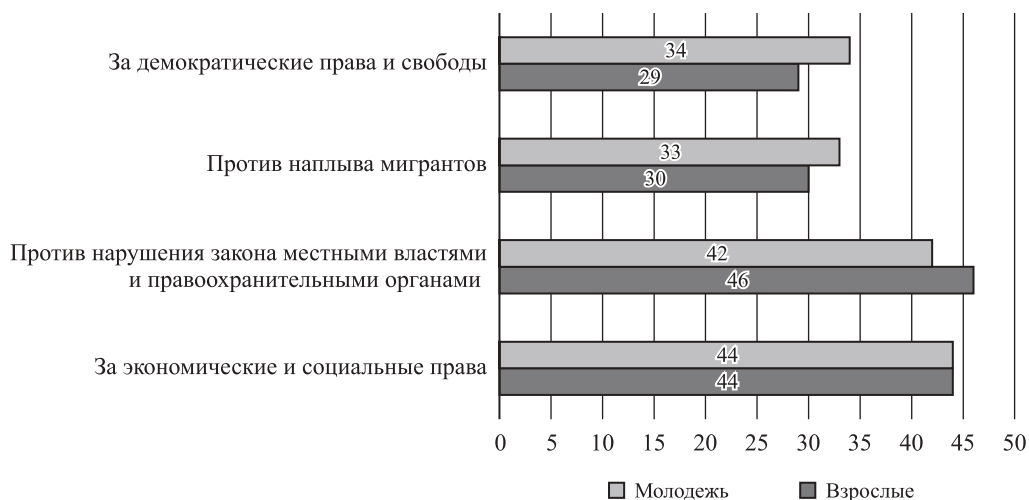

Рис. 1. Готовность респондентов участвовать в массовых выступлениях под разными лозунгами (2012, %)

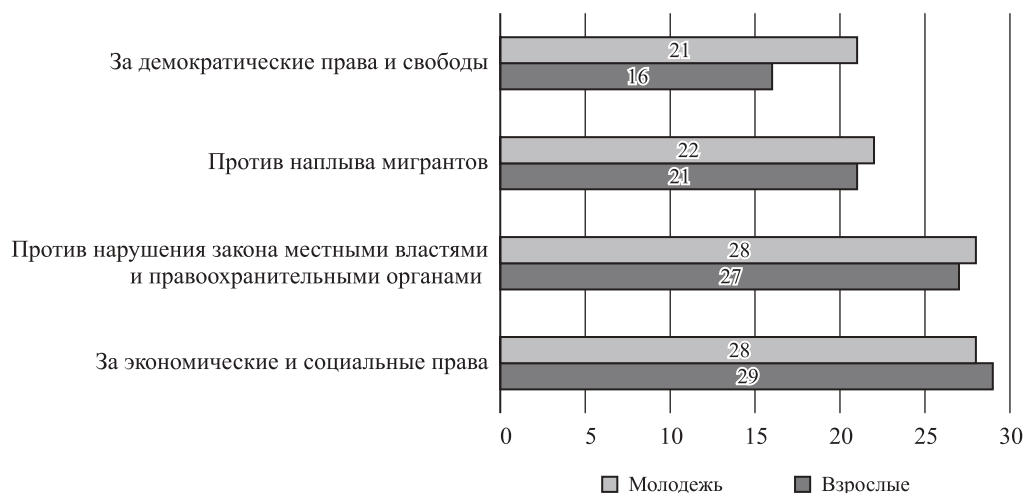

Рис. 2. Готовность респондентов участвовать в массовых выступлениях под разными лозунгами (2016, %)

По поводу методов осуществления протестных действий еще в позапрошлом веке революционерами разных стран был сделан вывод, что тактика чисто силовой борьбы – оружие протестующих против оружия правительства – чаще всего обречена на провал: защитники правительства заведомо многочисленнее и лучше вооружены (если только правительство не потеряло поддержки силовых структур), а обычных граждан стрельба на улицах скорее отпугнет, чем привлечет на баррикады. Гораздо результативнее тактика “цветных революций”: массовые протестные демонстрации парализуют противодействие властей, позволяя радикальной оппозиции без столкновений с полицией и войсками сменить старую власть; если же власть применит к демонстрантам насилие, то обозленный народ еще сильнее сплотится с протестующими радикалами (как это было, например, в Киеве в январе–феврале 2014 г.). Хотя первой “цветной революцией” называют “революцию гвоздик” 1975 г. в Португалии,

фактически такая модель политического протеста имеет гораздо более почтенный возраст — ведь именно так разворачивались и Февральская революция 1917 г. в России, и даже Великая французская революция 1789 г.

Важно отметить, что протестная тактика массовых ненасильственных выступлений оставляет существенные шансы и для властей. Это блестяще было продемонстрировано в России в 2012 г.: если власть “сохраняет лицо” и расчетливо ведет противоборство с оппозицией, сочетая выполнение отдельных ее требований с дискредитацией оппозиционеров, то накал протеста будет сам по себе постепенно “выдыхаться”. Если же протестующие сами прибегнут к насилию (даже явно спровоцированному), то у власти развязываются руки для точечных репрессий против нарушителей общественного порядка, что с одобрительным пониманием оценивается большинством граждан.

В результате противостояние оппозиции и власти превращается в “войну нервов”: кто первый прибегнет к масштабному насилию и тем самым нарушит конституционные “правила игры”, тот и проиграет. Такой сценарий, когда каждая из сторон конфликта минимизирует насилие, объективно выгоден обществу в целом, поскольку позволяет либо найти приемлемый для большинства граждан консенсус, либо выявить и устранить наименее порядочного актора политической борьбы. Это, безусловно, не означает, что новый (“революционный”) политический режим обязательно окажется эффективнее старого: те, кто аргументированно критикуют других, не всегда правильно умеют работать сами. Ненасильственная революция полезна как инструмент *поиска* эффективных политических руководителей, накопления гражданами опыта активного участия в политике, а желанный выбор оптимального политического режима может произойти только через несколько итераций (как известно, во Франции для устранения монархии пришлось в течение 1789–1871 гг. пройти через примерно десяток итераций — революций и контрреволюций).

Для понимания перспектив мирных сценариев будущих протестных выступлений принципиально важно, какие и в какой мере методы политической борьбы граждане считают приемлемыми. Сценарии “цветных революций” в современных условиях могут быть эффективны, только если основная масса граждан принципиально отвергает идею, что цель оправдывает средства. Современные российские оппозиционеры полагают, что народ уже достаточно “проникся” идеями ненасилия, а потому, по словам одного из идеологов либеральной оппозиции В. Иноземцева, “задачей всех заинтересованных в переменах сил должно стать распространение понимания того, что грядущая и неизбежная российская революция не будет отягощена большинством недостатков и пороков предшествующих революционных событий” [Иноземцев 2016]. Но так ли это на самом деле?

В ходе всероссийского опроса в марте 2016 г. у респондентов спрашивали, какие методы отстаивания своих интересов они считают допустимыми. Список этих методов, проранжированный по степени одобрения (см. табл. 4), демонстрирует наличие в современной России в общем-то достаточных условий для политических конфликтов по модели эффективной “цветной революции”, а не силового противоборства.

Конечно, принципиального неприятия нарушения формально-правовых правил борьбы за свои интересы (в духе “этого делать нельзя, поскольку закон это запрещает”) в современной России нет: с допустимостью несанкционированных митингов/демонстраций/забастовок согласны более 2/5 россиян (43%), с перекрытием дорог (как в 2009 г. в Пикалево) — 1/3 (33%). Однако, когда речь заходит о применении насилия хотя бы в символической форме (забрасывание яйцами/помидорами, публичные оскорбления), доля допускающих такие методы отстаивания своих интересов сразу падает до 1/7 (14–16%). Даже призывы к “революционной” (то есть насильственной) смене власти допускаются менее чем 1/5 (18%) граждан, что лишний раз свидетельствует о дискредитации в современной России революционной риторики.

В то же время несколько настораживает относительно высокая доля допускающих захват административных зданий (14%), формирование отрядов боевиков (14%), насилия против полиции (12%) и избиения противников (10%). Тем не менее такие

**Ответы респондентов на вопрос,
что допустимо в отстаивании своих интересов (в %)**

Методы отстаивания интересов	Допустимо	Может быть допустимо только в крайних случаях	Недопустимо ни при каких условиях
<i>Высокодопустимые методы (допускаются хотя бы в крайних случаях не менее чем 1/3 респондентов)</i>			
Голодовки	8	36	55
Несанкционированные митинги, демонстрации и забастовки	9	34	57
Перекрытие дорог, железнодорожных магистралей	5	29	67
<i>Малодопустимые методы (допускаются хотя бы в крайних случаях не менее чем 1/5 респондентов)</i>			
Призывы к революционной смене власти в стране	3	15	82
Обливание оппонента соком, забрасывание помидорами, яйцами, тортами и т.п.	4	12	84
Распространение клеветнических сведений, публичные оскорбления	4	10	87
Захват и удержание административных зданий, офисов крупных компаний, банков	2	12	86
Формирование боевых отрядов	2	12	86
Насилие в отношении представителей власти и правоохранительных органов	2	10	89
Драки, избивание своих противников	2	8	90
<i>Практически недопустимые методы (допускаются хотя бы в крайних случаях не менее чем 1/20 респондентов)</i>			
Убийство	1	2	98

люди, не понимающие опасности заведомо экстремистских действий, составляют в современной России небольшое меньшинство. Что касается тех, кто допускают (хотя бы только в крайних случаях) убийства по политическим мотивам, то их ничтожно мало — чуть более 2%.

Таким образом, если призрак революционной ситуации снова через год-другой начнет материализовываться, то речь пойдет (если экстраполировать существующие тенденции) именно о сценариях *мирного* сопротивления. По крайней мере, на первых порах. Ведь и Первая русская революция началась с мирного шествия петербуржцев 9 января 1905 г.

В ожидании очередного кризиса

Каковы же перспективы развития в современной России протестных проявлений и протестного потенциала? Во-первых, в прошедшем году наблюдался несколько повышенный, но все же умеренный уровень личного участия в различных массовых протестных выступлениях — в различных протестных акциях участвовали порядка 2–4% россиян. Это определенно ниже уровня “горячих” 2011–2012 гг. Главное, современные протестные действия несут

в основном экономический характер: протестуют главным образом против увольнений, против роста цен и т.д., а не против правительства. Если экономический кризис сменится подъемом, то современный рост участников протестных акций сменится их спадом.

Во-вторых, *доля тех, кто выразили потенциальную готовность к радикальным формам протеста, примерно в три раза больше, чем доля тех, кто уже побывали в рядах "борцов"*. Хотя доля готовых братья за оружие (2%) ниже, чем в предыдущие 15 лет, но доля готовых к мирным протестным акциям (11%), наоборот, стала выше, чем в предыдущие 15 лет. Скорее всего, это свидетельствует об обычном воспроизводстве условного протестного сообщества, а не об его расширении. Среди декларирующих готовность "в ближайшее время" участвовать в протестных выступлениях тоже наблюдается доминирование готовности защищать социально-экономические права над готовностью защищать политические права.

В-третьих, основная масса населения (более 80%) не одобряет не только сами силовые методы протеста, но даже призывы к "революционной смене власти". *Современные россияне, как правило, признают допустимыми только ненасильственные методы протеста*. В то же время широко распространен правовой нигилизм — несанкционированные митинги/демонстрации/забастовки допускают (пусть с оговоркой "лишь в крайнем случае") более 40% граждан. Поэтому сценарии 2011–2012 гг. (постепенный сдвиг от законных массовых акций к несанкционированным акциям) могут повторяться.

В-четвертых, следует обратить внимание на феномен *относительно высокой волатильности характеристик протестной деятельности*. Понятие волатильности (изменчивости) чаще всего используется специалистами по финансовым рынкам для обозначения способности показателя внезапно резко "дергаться", даже если его средний уровень не меняется. В нашем исследовании отмечено два проявления таких "дерганий": первое — когда ВЦИОМ и ИС РАН в начале 2015 г. с разрывом примерно в пару месяцев посчитали различающиеся примерно в три раза (18% и 6%) доли россиян, готовых принимать участие в акциях протеста; второе — скачки в данных ИС РАН о готовности к разным видам протестных действий (менее чем за полгода между октябрём–ноябрём 2014 г. и мартом 2015 г. подскочила доля годовых братья за оружие с 3% до 4% и сократилось число готовых к мирным формам протеста с 10% до 6%). Высказывалось предположение, что эти "дергания" связаны со скачками курса рубля и с убийством Немцова. В любом случае следует отметить, что российские граждане способны в ответ на "раздражающие" события скачком изменять свои социально-политические предпочтения.

В-пятых, наблюдается *рассогласованность изменений реального и потенциального участия россиян в акциях протеста с интегральным показателем социального самочувствия* (социально-психологического состояния) населения¹³ (см. табл. 5). В 2000-е гг. логика их изменения была понятной: улучшение социального самочувствия вело к снижению и реального участия в протестных акциях, и готовности участвовать в них в будущем. В начале 2010-х гг. улучшение социального самочувствия происходило на фоне, наоборот, роста протестных действий и настроений (что можно объяснить эффектом массовых протестных выступлений 2011–2013 гг., детерминированных чисто политическими событиями). В период же кризиса 2014–2016 гг. ухудшение социального самочувствия населения происходило параллельно с ожидаемым существенным ростом готовности участвовать в протестных акциях, однако реальное участие в таких акциях, наоборот, снижалось. Такая рассогласованность существенно затрудняет прогнозирование изменений протестной активности россиян.

Общий вывод таков: в ближайшее время (год-два) революционная ситуация¹⁴ останется для России только опасным призраком — *массовые протестные выступления*

¹³ Данный показатель, предложенный Н. Латовой, показывает соотношение долей респондентов, позитивно и негативно оценивающих во время всероссийского опроса свое социально-психологическое состояние, в интервале от 0 баллов (все оценивают свое состояние негативно) до 100 баллов (все оценивают свое состояние позитивно) [Российское... 2015, с. 19–21].

¹⁴ Речь идет о классическом (предложенном В. Лениным) понимании революционной ситуации как ведущего к смене власти политического кризиса, когда "низы" не хотят, а "верхи" не могут жить по-старому [Ленин 1981, с. 69–70].

**Динамика ответов респондентов об участии в протестных акциях
и интегрального показателя социального самочувствия**

Характеристики	2003 г.	2008 г.	2010 г.	2013 г.	2015 г.	2016 г.
Доля респондентов — участников состоявшихся протестных акций (принимавших участие хотя бы в одном виде акций) (в%)	3,3	2,0	6,1	4,1	1,6	3,5 или 2,4*
Доля респондентов — потенциальных участников будущих протестных акций (заявивших о готовности участвовать хотя бы в одном виде акций) (в%)	10,7	7,9	—	8,3	9,9	17,3
Интегральный показатель социально-психологического состояния населения, баллов	33 (2002)	53 (2009)		63	49–50	48

* 3,5% выбрали ответ “с одобрением, сам(а) принимаю в них участие” на вопрос “Как вы лично относитесь к людям, принимающим участие в акциях протеста, митингах, демонстрациях и т.п.?”; 2,4% выбрали ответ “участие в общественно-политических акциях (митингах, демонстрациях и т.п.)” на вопрос “Приходилось ли вам в течение последних года-полутора участвовать в политической жизни?”.

не только наподобие украинского Майдана, но даже типа событий 2011–2013 гг., скорее всего, будут лишь потенциальной угрозой, а не живой реальностью, особенно если Россия начнет, наконец, “выплывать” из экономического кризиса. В то же время конец 2010-х гг. может стать опасным временем — сойдутся воедино грядущий общемировой экономический кризис и накопленное недовольство деятельностью российского правительства, которое за более чем 15 лет так и не смогло сформировать эффективную модель национального социально-экономического развития. В этих условиях высокая волатильность российского общественного сознания — способность быстро “воспламеняться” — может оказаться очень опасным фактором.

В современной России наблюдается парадокс: существующими социально-экономическими “правилами игры” недовольны многие, но их протест не консолидирован; у протеста против существующих политических институтов есть “вожди” (либеральная оппозиция), но этот протест гораздо менее массовый. Пока есть “вожди без войска” и “войско без вождей”, существующему режиму нет реальных угроз. Вероятность консолидации недовольных граждан и оппозиционных политиков будет расти/снижаться по мере повышения/понижения социального недовольства и ухудшения/улучшения перспектив национального социально-экономического развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гапич А., Лушников Д. (2010) Технологии цветных революций. М.: Риор.
- Иноземцев В. (2016) Слово на букву “Р” // Сноб. Февраль (https://snob.ru/selected/entry/104603#comment_817663).
- Кара-Мурза С. (2006) Революции на экспорт. М.: Эксмо.
- Кинсбургский А.В., Топалов М.Н. (2016) Социальная напряженность и массовые акции протеста (к вопросу о механизме действия) // Социологическая наука и социальная практика. № 1. С. 20–34.
- Ленин В.И. (1981) Детская болезнь “левизны” в коммунизме // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. М.: Политиздат.
- Манойло А.В. (2015) Цветные революции и технологии демонтажа политических режимов // Международные отношения. № 1. С. 1–19.

Маркс К. (1956) Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 7. М.-Л.: Государственное издательство политической литературы.

Оболонский А.В. (2013) Народ, власти и полиция: уличные протесты в США // Общественные науки и современность. № 4. С. 109–125.

Пономарева Е., Рудов Г. (2012) “Цветные революции”: природа, символы, технологии // Обозреватель—Observer. № 3. С. 36–48.

Пушкин А.С. (1960) Собр. соч. в 10 т. Т. 5. М.: Государственное издательство политической литературы.

Российское общество и вызовы времени (2015). Книга вторая. Под ред. М.К. Горшкова и В.В. Петухова. М.: Весь Мир.

Сулакшин С.С. (2009) Новые технологии борьбы с российской государственностью. М.: Научный эксперт.

Phantom of “Revolutionary Situation”: Protest Actions and Protest Moods of Modern Russians

*Yu.LATOV**

* **Latov Yuri** — doctor of science (sociology), leading researcher, Institute of Sociology, Russian Academy of Science; Financial University under the Government of the Russian Federation. Address: 29 sq., 5, Magadan str., Moscow, 129345, Russian Federation. E-mail: latov@mail.ru.

Abstract

The article is devoted to the possibility of “revolutionary situation” in modern Russia. The dynamics of mass protests is analyzed. The analysis is based on data of all-Russian surveys carried out by Institute of Sociology RAN (with focus on the last wave conducted in early spring of 2016). It is shown that in the nearest future (a year or two) only a “phantom” of “revolutionary situation” will exist in Russia. That means that mass protests will remain only as a potential threat rather than a reality. This conclusion is based on survey data on actual participation and willingness of population to participate in protests. According to the survey, in 2015 there was moderate level of personal participation in various protests. Modern protest actions are mainly economic in their nature — population is mostly protest against employment layoffs, rising prices, etc., but not against the government. A paradox exists: on the one hand, many protest against the existing socio-economic “rules of the game”, but this protest is not consolidated; on the other hand, protest against the existing *political* institutions have leaders (liberal opposition), but it is much less massive. At the same time, a dangerous phenomenon of relatively high volatility of the protest activity should be noted — Russian citizens are able to respond to “annoying” events with abrupt change of their socio-political preferences.

Keywords: social protests, social deviance, public opinion polls, “revolutionary situation”.

REFERENCES

Gapich A., Lushnikov D. (2010) *Tekhnologii cvetnykh revolyucij* [Technology of Color Revolutions]. Moscow: Rior.

Inozemcev V. (2016) Slovo na bukvu “R” [Word That Starts with “R”]. *Snob*. February (https://snob.ru/selected/entry/104603#comment_817663).

Kara-Murza S. (2006) *Revolyucii na eksport* [Revolutions for Export]. Moscow: Eksmo.

Kinsburskii A.V., Topalov M.N. (2016) Social’naja naprjazhennost’ i massovyie akcii protesta (k voprosu o mehanizme deistvija) [Social Tension and Mass Protest (to the Question on the Action Mechanism)]. *Sociologicheskaja nauka i social’naja praktika*, no. 1, pp. 20–34.

Lenin V.I. Detskaja bolezni' "levizny" v kommunizme [The infantile sickness of the "leftism" in communism Complete Collection of Works. Vol. 41]. Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochinenij*. T. 41. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, pp. 1–104.

Manojlo A.V. (2015) Cvetnye revolyucii i tekhnologii demontazha politicheskikh rezhimov [Color Revolutions and Technology of Political Regimes Dismantling]. *Mezhdunarodnye otnosheniya*, no. 1, pp. 1–19.

Marx K. (1956) Klassovaya bor'ba vo Francii s 1848 po 1850 g. [Class Struggle in France from 1848 to 1850]. Marx K., Engels F. *Sochineniya*. T. 7. Moscow–Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, pp. 5–110.

Obolonskij A.V. (2013) Narod, vlasti i policija: ulichnye protesty v SShA [People, authorities and police: Street protests in the USA]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 109–115 (<https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/140925185>).

Ponomareva E., Rudov G. (2012) "Cvetnye revolyucii": priroda, simvoly, tekhnologii ["Color Revolutions": Nature, Symbols, Technology]. *Obozrevatel–Observer*, no. 3, pp. 36–48.

Pushkin A.S. (1960) *Sobranie sochinenij* [Collected works]. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury. T. 5.

Rossiyskoe obshchestvo i vyzovyvremeni. Kniga vtoraya (2015) [Russian Society and the Challenges of Time. Book two]. Moscow: Ves Mir.

Sulakshin S.S. (2009) *Novye tekhnologii borby s rossijskoj gosudarstvennostyu* [New Technologies to Combat the Russian Statehood]. Moscow: Nauchnyj ekspert.